

УДК 130.2+316.72

**ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ОСОБЕННОСТЕЙ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА
В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

*канд. филос. наук, доц. С.В. ДОНСКИХ
(Гродненский государственный университет им. Янки Купалы)*

Рассматриваются основные этапы формирования Балтийского региона и особенности «Балтийского регионального проекта». Определяются современные проблемы позиционирования Балтийского региона в глобальном мире, возможности и перспективы белорусского участия в процессе «балтийской интеграции». «Балтийский регионализм» не включает в себе «неоколониальных интенций» и в глобальной иерархии «региональной престижности» обладает очевидными предпочтениями, что требует от белорусских гуманитариев и политиков серьезного внимания к позиционированию Беларуси относительно Балтийского региона.

Введение. Регионализация мира воспринимается как один из очевидных «мегатрендов» эпохи глобализации. Известный с середины XX века «старый регионализм» стремился преодолеть диспропорции в развитии отдельных областей и провинций внутри национальных государств. Это был своего рода «локализм», вызывавший у политических элит национальных государств подозрения в сепаратистских интенциях. Заявивший о себе в полный голос в конце XX века «новый регионализм» стремился к формированию относительно устойчивых наднациональных, субцивилизационных общностей или макрорегионов. Самым ярким примером такого рода объединений считается Европейский Союз. Агрегирование обеих концепций и практика евроинтеграции породило третью версию регионализма – феномен «еврорегионов» на пограничье национальных государств. В данном контексте для Республики Беларусь становится крайне важно определиться относительно разнообразных «региональных проектов» различного таксонометрического уровня, которые со всех сторон охватывают страну. Если оставить в стороне хорошо известную и «освященную» авторитетом С. Хантингтона теорию «цивилизационного разлома» между западноевропейской (католическо-протестантской) и восточноевропейской (поствизантийской, православной) цивилизациями, проходящего через территорию Беларуси и Украины, то наиболее значимыми для белорусской идентичности и уже артикулированными региональными проектами являются:

- политические проекты Европейского Союза и Содружества независимых государств. Причем в этом вопросе Республика Беларусь уже определилась в пользу СНГ;

- культурно-исторические проекты Евразийского пространства, Центрально-Восточной Европы, Балтийского региона. В этом плане отметим, что столь очевидное для социогуманитарных наук понятие Восточной Европы, «отделенной железным занавесом» после второй мировой войны от остальной Европы, социалистического и постсоветского региона, в настоящее время является чисто географическим понятием. В отличие от «политического регионализма», вопрос с «культурно-историческим региональным самоопределением» Беларуси остается открытым.

Необходимо отметить, что если вопрос о «политическом региональном самоопределении» есть вопрос в известной мере «тактический», касающийся оптимального позиционирования «здесь и сейчас», то проблема «культурно-исторического регионального позиционирования» является вопросом «стратегическим», задающим телеологию социокультурного процесса и детерминирующим идентификацию субъектов. В этой связи белорусский взгляд на проблему генезиса и особенностей Балтийского региона представляется несомненно актуальным.

Сложно сказать, насколько регионализация Европы была обусловлена стремлением западной части Старого Света повысить свою конкурентоспособность перед лицом глобальных экономических, политических и культурных «вызовов» Северной Америки, Японии и «дальневосточных тигров», к которым на рубеже XX – XXI веков добавился Китай. Может быть, стареющая Европа стала обращать больше внимания на общие черты, а не на «молодежные субкультурные различия». Но очевидно, что в последние годы внутри Европейского союза четко определились свои субрегионы, позиционирующие себя как важные, уникальные и до некоторой степени самодостаточные образования: Средиземноморье, Балканы, Центрально-Восточная Европа.

Основная часть. Регионализация самой Европы как «макрорегиона» – удивительный феномен, еще ждущий своего пристального исследователя. Важно отметить, что регионы эпохи «второго модерна» принципиально отличаются от союзов национальных государств во времена «первого модерна». Последние создавались на короткий период времени для решения конкретных задач и распадались сразу же после их достижения. Это были темпорально неустойчивые военно-политические объединения. Современные регионы стремятся фундаментализировать себя более глубокими – культурными и ментальными измерениями.

Для «нового регионализма» важно не столько знание ближайшей выгоды, сколько понимание и переживание общей судьбы, а то и миссии – единой для всех стран региона независимо от политической ситуации, экономической конъюнктуры и даже исторической эпохи. Поиск «региональной идентичности» современными европейцами далеко не бескорыстен. Ее обоснование и манифестация должны, с одной стороны, содействовать признанию законных прав того или иного региона со стороны окружающих, а с другой – способствовать его выгодному позиционированию как внутри Европейского макрорегиона, так и относительно его соседей. В этой «гонке региональных идентичностей» Балтийский регион опоздал на старте. Виною тому является не только существование «железного занавеса» до 1991 года, но также и увлеченность ряда ведущих стран региона (Дании и Швеции) этноцентрированным «скандинавским проектом» в 60 – 70-х годах XX века. В целом вопрос о «региональном конструировании» и «региональной манифестации» в бассейне Балтийского моря остается открытым. Как отметил А.С. Макарычев, по сегодняшний день здесь наблюдается конкуренция региональных проектов: скандинавского, нордического и балтийского. Очевидно, что для Беларуси наибольшими возможностями для взаимодействия и интеграции с указанным регионом, вплоть до формирования общего дискурса, обладает именно балтийский проект. Механизм подобной рецепции приведен в работах А.С. Макарычева: «Многие из терминов, используемых в современной регионалистике, представляют своего рода исторически конструируемые нарративы, формирующие пространственный дискурс, основанный скорее на культурном, нежели на географическом понимании регионализма. Под воздействием разных типов дискурса формируются различные региональные практики, основанные на нарративах и «устной истории» (*remembrances*)» [1, с. 147].

В современном мире угроза со стороны глобализации для Балтийского региона наиболее опасна. Если верить футурологическим прогнозам и сценариям центр мировой цивилизации уже смещается на Восток и отчасти на Юг глобального мира, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. Расположенный на Северо-Западе Старого Света Балтийский регион рискует стать «глобальной периферией» цивилизации XXI века и вызывать к себе исключительно «музейно-туристический интерес». Конструирование Балтийского региона по замыслу его инициаторов должно, если не предотвратить, то хотя бы смягчить такую перспективу. Значимый «региональный дискурс» должен обладать с одной стороны, собственной генеалогией, с другой – четкими различиями относительно окружающих: Своих, Других, Чужих. Относительно Балтийского региона можно сказать, что его целостность является очевидной в далеком прошлом и все более проблематичной по мере приближения к современности. Изначально Балтийский регион – это этнокультурная прародина Европы. Только здесь, на востоке Балтики, сохранилось доиндоевропейское, исконно финно-угорское население Европы, представленное финнами и эстонцами. Близкие к финнам и эстонцам в языковом отношении венгры (мадяры) являются потомками кочевников, пришедших в Подунавье из-за Урала лишь в IX веке. В исторически обозримую эпоху территория Дании, юг Швеции и Норвегии образовывал так называемый «скандинавский генератор» народов, откуда вышли все германские племена – «*officina gentum*» (мастерская народов), – по словам готского историка Йордана (Два других «генератора народов» – это монгольский, давший миру большинство тюркских народов, и арабийский – прародина всех семитских народов). В первом тысячелетии нашей эры на южном побережье Балтийского моря состоялся этногенез балтских племен, а затем к водам Балтики вышли славянские племена. С этой точки зрения исконная, неспорченная цивилизацией и культурными диффузиями средиземноморского и ориенталистского происхождения Европа локализуется именно в Балтийском регионе.

В рамках Европейского культурного пространства в начале нашей эры Балтийский регион репрезентировался как Север – варварский, языческий, суровый, отсталый; противостоящий Югу – цивилизованному, христианскому, изнеженному, экономически развитому. Эта поляризация европейского пространства сохранилась вплоть до начала XVII века и в той или иной мере поддерживалась вначале христианскими авторами и святыми, затем немецкими и шведскими крестоносцами, наконец, гуманистами эпохи Возрождения. При этом гуманисты не обращали внимание, что завоевания римских императоров Цезаря и Клавдия в I веке до н.э. – I веке н.э. принесли на запад европейского Севера античную (римскую) цивилизацию и навсегда лишили Британские острова, Бельгию и Голландию аутентично североевропейского – «балтийского измерения». Походы викингов (норманнов) сформировали политические очертания Балтийского региона, который благодаря завоеваниям и династическим связям норманнских династий к XII веку простирался от Лондона до Киева. Но воинственные предводители викингов были быстро ассимилированы местным населением. На западе Европы они сыграли большую роль в распространении «старофранцузской» культурной традиции; на востоке – в формировании древнерусской культуры – «восточнославянской античности». Следом за первыми политическими связями в Балтийский регион пришло экономическое единство. Дружины викингов освоили первый собственно европейский торговый путь – «Путь из варяг в греки», с Балтийского моря в Восточное Средиземноморье, с Севера на Юг. Это был первый и последний исторический опыт кооперации Балтийского и Восточноевропейского региона. С XIII века начинается процесс экономической интеграции Балтийского региона. Основным актором этого процесса явилась «Великая Ганза» – торговый союз вольных балтийских городов, в кото-

ром решающее слово принадлежало немецким купцам. Российские города Великий Новгород и Псков и белорусский Полоцк образовывали в XV веке восточную границу ганзейского, балтийского пространства. Лидирующая экономическая роль немецких городов на средневековой Балтике обусловила как военную, так и мирную немецкую колонизацию восточных берегов Балтийского моря. Символами немецкой колонизации Балтики стали не только рыцари Тевтонского и Ливонского ордена, но также города Данциг (Гданьск), Ревель (Таллинн) и Рига. Результаты немецкой колонизации Балтийского региона были противоречивы. С одной стороны, появился новый диалект немецкого языка – «Baltdeutsch»; с другой стороны – сельское население Прибалтики к середине XIX века превратилось в лишённых этничности «не немцев» – «Undeutsche». Бегство и репатриация немецкого населения из стран Прибалтики и Восточной Европы по итогам второй мировой войны делают изучение «немецкого модуса Балтийского региона» задачей не столько генеалогии, сколько палеонтологии, по причине отсутствия прямых наследников в большинстве стран региона [2, с. 32].

Очевидно, что в свое время немецкая колонизация сыграла большую роль в гомогенизации Балтийского региона, хотя осуществлялся этот проект путем ассимиляции славянского населения Гольштейна, Мекленбурга и Померании, балтского населения Пруссии, Курляндии и Ливонии, финно-угорского населения Эстляндии и Ингерманланда. В XVI веке благодаря Реформации – этой североευропейской альтернативе средиземноморскому Возрождению – Балтийский регион как никогда ранее оказался близок к культурному и конфессиональному единству. Лишь Польша и Литва сохранили верность римско-католической церкви. Но разнообразие протестантских деноминаций и рано окрепшие на Балтике национальные государства – Дания, Швеция, отчасти Пруссия – не позволили религиозным чувствам стать основой для балтийской идентичности. В XVII веке Шведское королевство времен «Великой Державы» (1571 – 1721) предприняло титанические усилия по политическому объединению Балтийского региона в единое имперское пространство, где Балтийское море стало бы «внутренним озером» «королей свеев, готов и вандалов», как звучал титул шведского монарха. Однако сопротивление Дании, усиление Пруссии и появление на востоке Балтики Российской империи похоронило этот амбициозный шведский проект. С этого времени история Балтийского региона – это история дезинтеграции. XVIII столетие – век Просвещения и становления теории прогресса – надолго затормозил формирование Балтийского региона. Просветители трансформировали традиционную культурную парадигму европейского самосознания Север – Юг (в рамках которой Балтийский регион был неоспоримо единым и мог рассматриваться как «идеальный тип» Севера) в новую модель Восток – Запад. Восточная Европа становилась пространством «вчерашней Европы»: догоняющей, вторичной и культурно зависимой по отношению к просвещенной Западной Европе. В политическом плане Речь Посполитая, Российская и Османская империи были соотнесены с Восточной Европой [3]. Русская культурная традиция во времена Екатерины II и Александра I предприняла титанические усилия по присвоению себе образа европейского Севера (Санкт-Петербург как «Северная Пальмира»). Но интеллектуальная слабость ортодоксальной российской культуры не позволила ей предложить альтернативный Просвещению геокультурный дискурс. С середины XIX века сами русские рассматривали себя не столько как Север (эта честь принадлежала скандинавским странам), сколько как Восток Европы. После разделов Речи Посполитой (принесших России Литву, Беларусь, большую часть Украины и значительную часть Польши) и побед над Турцией (ознаменовавшихся присоединением Крыма, Молдавии и юга современной Украины) Российская империя стала однозначно ассоциироваться с Восточной Европой по преимуществу. Отныне все земли под скипетром династии Романовых, включая Прибалтику, Финляндию и, что еще более очевидно, славянскую и православленную Беларусь становились «догоняющей» Восточной Европой и исключались из Балтийского региона как составной части западноевропейской, западной, «североатлантической» цивилизации. Во второй половине XX века Балтийский регион и вовсе стал миражом, точнее, «северным сиянием» Европы. По существу он был разделен на три части:

- пространство «социалистического лагеря»: СССР (включая три Прибалтийских республики и своеобразный российский анклав – Калининградскую область), балтийское побережье Польши и ГДР;
- нейтральные государства Швецию и Финляндию (их социал-демократические правительства часто воспринимались правыми политиками США как «полукоммунистические», а советскими коммунистами как «оппортунистические»);
- страны-члены НАТО – «западные демократические государства»: ФРГ, Дания и Норвегия.

Следует подчеркнуть, что для соседних государств, в частности для Беларуси, именно нейтральные страны времен «холодной войны» Швеция и Финляндия образуют «структурообразующую ось» современного Балтийского региона – пространства социально-политической стабильности и высокого стандарта жизни. Именно здесь при активном участии датских и норвежских интеллектуалов стал формироваться «нордический проект», на базе которого на рубеже XX – XXI веков сформировался концепт Балтийского региона. Концепция «нордичности» (Nordicity) характеризовалась ее адептами как «не европейская», «не католическая», «не связанная с римским историческим наследием», «не колониальная»,

«не тяготеющая к эксплуатации», «склонная к географически малым формам», «миролюбивая», «преимущественно социал-демократическая» и с большим уровнем социальной защищенности [1, с. 150].

«Бархатные революции» в Восточной Европе и распад СССР в 1991 году открыли возможности для открытия/возрождения/создания/воссоздания Балтийского региона. Идеологические противоречия капитализма и коммунизма и противостояния двух военных блоков – НАТО и Варшавского договора – ушли в прошлое. Вступление в Европейский союз Швеции и Финляндии в 1995 году, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии в 2004-м фактически восстановило экономическое единство региона (несмотря на очевидные экономические диспропорции и различия между странами) и впервые за много веков сформировало известное политическое единство. После 2004 года лишь Российская Федерация и географически приграничные для Балтийского региона Норвегия и Республика Беларусь не являются членами Европейского Союза.

Однако Балтийский регион – все еще скорее потенциальный, нежели актуальный проект. По существу лишь экологическая тема очевидна для всех участников «балтийской интеграции/кооперации». Весь Балтийский регион пронизан потенциальными «линиями напряжения»: ментальными, культурными и политическими. Первая из них – это противоречие между традиционным восприятием региона со стороны мирового сообщества как «расширенной Скандинавии» и реальным положением дел на современной Балтике. Устоявшийся в мире стереотип «скандинавизма» очевидно мал для новой формы – Балтийского региона. Для многих стран Балтийского региона он не приемлем по определению. Но все участники «балтийской интеграции» должны быть готовы к тому, что традиционное восприятие региона сквозь призму его «скандинавской оси» будет еще долго определять позиционирование и имидж Балтийского региона в глазах соседей. Поэтому, например, артикуляция белорусом своей «балтийской идентичности» будет восприниматься весьма проблематично. В то же время «средний белорус» воспринимает Балтийский регион преимущественно сквозь призму знакомой ему из истории Швеции. Дания для него практически не известна, а Прибалтийские республики не являются «эссенциально балтийскими», так как разделяют общий с Беларусью «советский опыт». Следующая «линия напряжения» возможна как противоречие между старыми и новыми участниками «балтийской интеграции», между странами, всегда входившими в состав «свободного мира», и теми, кто лишь недавно вернулся в Европу из-за «железного занавеса» коммунизма. Для новичков это было в первую очередь воссоединением с Западом, с Европой и лишь в последнюю очередь с Балтийским регионом. Вероятно, что для новых участников «балтийской интеграции» – латышей, эстонцев, литовцев и поляков – проблемы широкой европейской, а то и евроатлантической интеграции будут намного важнее вопросов региональной «балтийской кооперации». С «коммунистическим наследием» ряда стран Балтийского региона связана проблема адаптации локальных национальных проектов к задачам региональной интеграции. Не секрет, что разрушение декларативно интернациональной коммунистической системы во многом произошло за счет национальных движений. Насколько удастся согласовать проверенные борьбой с советской системой сильные национальные чувства и только зарождающуюся «балтийскую идентичность»?

Не следует забывать, что в рамках Балтийского региона «внешнеполитические позиции» стран-участниц принципиально отличаются. Для Швеции, Финляндии или Латвии региональные балтийские интересы могут в значительной степени отождествляться с национальными. Это не значит, что указанные страны ни чем не интересуются за пределами Балтийского региона. Но большинство событий, происходящих за его пределами, могут рассматриваться ими по принципу «также и...». Для Германии, Польши или России Балтийский регион – это лишь один из модулей их политического, культурного, а то и цивилизационного бытия. Приоритетные направления политики этих государств часто направлены далеко за пределы Балтийского региона. В Москве и Берлине Балтика скорее будет рассматриваться по принципу «также и...». Образно говоря, Германия, Польша и Россия для Балтийского региона являются «трансрегиональными» участниками; Норвегия и Беларусь – возможными партнерами, и лишь шесть стран репрезентируются как «несомненно и по преимуществу балтийские»: Дания, Латвия, Литва, Финляндия, Швеция и Эстония. На юге и востоке Балтийского моря регион не имеет четких границ и образует размытые диффузные социокультурные пространства с другими европейскими регионами: Центральной Европой (через Германию), Центрально-Восточной Европой (через Польшу и отчасти Литву), Восточной Европой (через Россию и отчасти Беларусь). Причем для Польши «центрально-восточноевропейская идентичность», а для северо-запада России «восточно-европейская идентичность» являются очевидными и приоритетными ментальными установками относительно идентичности «балтийской». В этом контексте своеобразными «воротами» Балтийского региона в иные региональные пространства, местом, где наиболее сложно протекают процессы «балтийской интеграции» (в силу очевидных культурных дистанций и иных исторических традиций), является юго-восточное побережье Балтики: Калининградская область России, Литва и Польша. Но без «балтийской региональной аккумуляции» юго-восточного побережья Балтики «балтийский проект» рискует быть отброшенным на уровень «скандинавизма» или «нордизма». В последнем случае в пространство регионального взаимодействия неизбежно вступят такие акторы, как Канада, США, Россия.

Рано или поздно Балтийский регион должен задаться вопросом о своей роли и значении в объединенной Европе. Численность населения стран-участниц, «всцело принадлежащих» Балтийскому региону, едва превышает 26 млн. человек (без учета населения «трансрегиональных» Германии, Польши и России). Даже если в эти подсчеты включить жителей прибрежных территориально-административных единиц Германии, Польши и России, все равно численность населения Балтийского региона не превысит 50 млн. человек стареющего населения. Причем наиболее остро демографические проблемы стоят перед Прибалтийскими республиками и Северо-Западом Российской Федерации (Санкт-Петербург, Великий Новгород). При этом население Европы превышает 720 млн. человек. Однако природный, в том числе, экологический, бальнеологический и рекреационный потенциал Балтийского региона еще ждет своей взвешенной оценки. Наконец, не следует забывать, что Балтийский регион обладает мощными актуальными и потенциальными «нематериальными ресурсами»:

- человеческим капиталом – навыками и талантами людей;
- социальным капиталом – сетями и взаимосвязями между людьми, членством в группах, доверительным отношением, которые способствуют созданию партнерств, снижают трансакционные издержки и обеспечивают информационную безопасность;
- культурным капиталом – системой убеждений, которая сплачивает общество, а механизмом передачи этих убеждений служат развитые культурные институты [4].

Экологические ресурсы Балтийского региона и опыт их сохранения представляют первостепенный интерес для развитых стран мира. «Нематериальные активы» Балтики (человеческие, социальные и культурные), опыт их использования, формирования и приумножения привлекают внимание развивающихся стран и государств постсоветского пространства [5, с. 414 – 420].

Заключение. Какие перспективы в глобальном мире выберет для себя Балтийский регион, зависит не только от его стран-участниц. Как убедительно показал в своей известной работе «Ориентализм» Эдвард Саид, не только Мы можем «презентировать» себя, но и Другие могут с не меньшим успехом «репрезентировать» нас. При выборе приоритетов «межрегионального и субрегионального взаимодействия» Беларуси следует принять во внимание культурно-исторические традиции и стереотипы, связанные с репрезентацией Балтийского региона. Несомненно, что с этой точки зрения построение «белорусского балтийского нарратива», фундирующего белорусскую инкультурацию в «балтийский дискурс», представляется более сложной задачей, нежели аналогичная интеллектуальная работа относительно евразийского или центрально-восточноевропейского региональных проектов. Но в отличие от этих проектов, «балтийский регионализм» не включает в себе «неоколониальных интенций» и в глобальной иерархии «региональной престижности» обладает очевидными предпочтениями, что требует от белорусских гуманитариев и политиков серьезного внимания к позиционированию Беларуси относительно Балтийского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарычев, А.С. Идентичности балтийских пространств: сетевое взаимодействие или конкуренция региональных проектов? / А.С. Макарычев // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сб. науч. тр. / В.Н. Брюшинкин. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 142 – 154.
2. Hroch, M. *Male narody Europy: perspektywa historyczna* / M. Hroch. – Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 2003. – 168 s.
3. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 560 с.
4. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Издат. Дом «Классика-XXI», 2006. – 339 с.
5. Ryden, L. *The Baltic Sea Region: Culture – Societies – Politics* / L. Ryden, W. Macejewski. – Poznań: Department of Scandinavian and Baltic Studies Adam Mickiewicz University, 2001. – 542 p.

Поступила 29.12.2008